

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.Т. Фаритов

ПОЭТИКА И ЭСТЕТИКА НЕЗАВЕРШЁННОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Аннотация. Предметом исследования предлагаемой статьи является идея вечного возвращения Ф. Ницше в поэтическом наследии А. Блока. Объектом исследования выступает осуществляющаяся в поэзии А. Блока трансформация ницшевской идеи вечного возвращения того же самого в поэтику и эстетику незавершённого возвращения. В статье осуществляется сравнительный анализ философских воззрений Ф. Ницше и поэтического мирозерцания А. Блока. Автор опирается на результаты современных исследований как в области литературоведения, так и в области философии.

В статье применяется комплексный подход, основанный на синтезе семиозстетического, дискурсивного и интертекстового анализа. Общий подход может быть определён как философский анализ художественного текста. Основным выводом проведённого исследования является положение, что в поэтическом мире А. Блока идея вечного возвращения трансформируется в феномен незавершённого возвращения. Автор показывает, что Блоком был ассимилирован преимущественно космологический, негативный аспект ницшевской идеи. Позитивный, антропологический аспект данной идеи не получил полного воплощения в творческом наследии поэта.

Ключевые слова: Александр Блок, Ницше, вечное возвращение, незавершённое возвращение, поэзия, экзистенция, Пушкин, анима, космологический аспект, антропологический аспект.

Abstract. The subject of the study of the proposed article is the idea of eternal return in Nietzsche's poetic heritage of Alexander Blok. The object of the research is carried out in favor of poetry by Alexander Blok transformation of Nietzsche's idea of the eternal return of the same in the poetics and aesthetics of incomplete returns. The article made a comparative analysis of the philosophical views of Nietzsche and poetic outlook Blok. The author draws on the results of current research in the field of literature and in philosophy. This article takes an integrated approach based on a synthesis of semiotic-aesthetic, discursive and intertextual analysis. The general approach can be defined as the philosophical analysis of a literary text. The main conclusion of the research is the situation that in the poetic world of Blok the idea of eternal return is transformed into unfinished return phenomenon. The author shows that the unit has been assimilated largely cosmological, the negative aspect of Nietzsche's ideas. Positive, anthropological aspect of this idea has not received full embodiment in the creative heritage of the poet.

Key words: anima, Pushkin, existence, poetry, unfinished return, eternal return, Nietzsche, Alexander Blok, cosmological aspect, anthropological aspect.

Как и у большинства поэтов-символистов, эстетические и философские воззрения Александра Блока сформировались под непосредственным влиянием учения Ф. Ницше [1; 2; 3]. Особую значимость для поэтического мирозерцания Блока приобрела ницшевская идея вечного возвращения. Как отмечает Миливое Йованович: «Блок по-видимому ознакомился с сочинениями Ницше ещё до составления знаменитого конспекта *Происхождения трагедии* в декабре 1906 года; труд же Ницше *Вечное возвра-*

щение, представляющий собой подборку фрагментов из произведения *Возвращение одного и того же*, мог быть ему известным по журналу *Новый путь* (перевод этой работы Ницше опубликован в пятом номере за 1903 год), в котором поэт печатал свои ранние стихотворения и рецензии, начиная с 1904 года. Миф о «вечном возвращении» реализуется у Блока в плане его личной (в первую очередь духовной) жизни, а также в его понимании исторического и общелитературного развития» [4, с. 63]. (Произведения «*Возвращение одного и того же*» у

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-11045.

Ницше нет. Речь, по-видимому, идёт о последнем разделе «Воли к власти», книге, представляющей собой компиляцию фрагментов из черного наследия философа [5]. – *Примеч. авт.*)

Идея вечного возвращения получила многогранное воплощение в поэтическом творчестве Блока. Однако попадая в социально-культурный контекст российской действительности рубежа веков, проходя через сознание русского поэта и преломляясь в эстетике отечественного символизма, эта идея немецкого философа претерпевает весьма существенные преобразования. Меняется тональность, меняется ценностная окраска, меняется и само содержание учения. В поэтической вселенной Блока идея вечного возвращения того же самого приобретает смысловой оттенок незавершённого возвращения. Этот мотив становится доминирующим и результирующим в блоковской поэзии.

Хрестоматийным текстом, демонстрирующим захваченность Блока идеей вечного возвращения, является стихотворение 1912 г. «Ночь, улица, фонарь, аптека» [6, с. 24]. Идея вечного возвращения воспроизведена здесь в полном соответствии с учением Ницше. Возвращение предполагает повторение наличного бытия вплоть до частных деталей. Возобновлению подлежит не некий универсальный метафизический порядок, «логос» бытия, но само существование, чистая экзистенция, лишённая какого-либо дополнительного трансцендентного измерения. Возвращается голое существование без сущности, существование, как оно есть в своей фактичности. Ницше впервые представляет эту мысль как пугающее откровение демона: «Что, если бы днём или ночью прокрался за тобою в твоё уединёнейшее одиночество некий демон и сказал тебе: “Эту жизнь, как ты её теперь живёшь и жил, должен будешь ты прожить ещё раз и ещё бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и всё несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет заново вернуться к тебе, и всё в том же порядке и в той же последовательности, – также и этот паук и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение и я сам”» [7, с. 523]. Человек, которому довелось однажды помыслить подобную возможность, оказывается перед экзистенциальным выбором. Либо он будет поражен и раздавлен этой мыслью, либо признаёт её божественный характер и воспримет как новый ценностный ориентир, который преобразит всё его существование. Осуществить этот выбор не так-то просто. Сам Заратустра у Ницше испытывает постоянные колебания между безграничным ужасом и отчаянием, с одной стороны, и решимостью принять эту новую скрижаль ценностей, с другой стороны [8].

Блок в рассматриваемом нами тексте выбирает и артикулирует негативный аспект идеи вечного возвращения того же самого. Жизнь в такой перспективе оказывается абсолютно бессмысленным и безысходным предприятием. Исчезают не только упования на посмертное воздаяние в лучшем метафизическом мире. Исчезают даже надежды на покой и избавление в небытии смерти. Смерть становится лишь абсурдно коротким антрактом, после которого начнётся совершенно то же самое представление с теми же действующими лицами, той же коллизией и той же развязкой – даже декорации не будут изменены. Кольцо вечного возвращения оказывается порочным кругом существования, вырваться из которого невозможно: «Всё будет так. Исхода нет». Трудно придумать что-то более ужасающее. Человеку не будет дан даже короткий отдых от существования в Ничто небытия: «Вы полагаете, что будете долго покоиться до нового рождения, – но не заблуждайтесь! Между последним мгновением сознания и первым лучом новой жизни – «безвременье», это состояние пронесётся подобно молнии, если даже живые создания исчисляются его миллиардами лет и всё никак не могут измерить» [9, с. 522].

Этот мотив бессмысленности и безысходности вечно повторяющегося существования нагнетается в другом стихотворении из сборника «Страшный мир»: «Миры летят. Года летят. Пустая...» [6, с. 26]. Мир предстаёт здесь в качестве нескончаемого потока становления. Конца нет («Когда ж конец?»). Заявленное в первой строфе противоречие не знает примирения: полёт миров в пустой вселенной и усталая человеческая душа, жаждущая счастья. Космический план бытия оказывается несовместим с планом антропологическим. Космический план движется в соответствии с принципом вечного повторения того же самого. Движение миров не ведает никакой цели. Человеку, напротив, необходимы цель и смысл. Данное противоречие заложено в самом ницшевском учении о вечном возвращении, на что указывает К. Левит: «Ведь мысль о вечном возвращении, во-первых, учит о новой цели человеческого существования, лежащей за его пределами, – воли к самоувековечению; но она учит и прямо противоположному: столь же незаинтересованному в себе, сколь и бесцельному кружению природного мира в себе самом, включая и человеческую жизнь» [10, с. 74]. В свете названного противоречия остаётся только поиск забвения – чтобы не сойти с ума. Забвение дают вино и страсть, которым Блок посвящает большое количество стихотворных текстов. Так, актуализируя космический смысл идеи вечного возвращения, поэт с фатальной неизбежностью приходит к нигилизму и эстетике декаданса.

Однако Блок не ограничивает свою поэтическую рецепцию идеи вечного возвращения её космическим и, соответственно, негативным, нигилистическим пластом. Поэт пытается утвердить и второй – антропологический, антинигилистический – аспект данной идеи. Примером может служить следующий текст:

*Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернёт?* [6, с. 85-86].

Первая и вторая строфа, кажется, утверждают волю к возвращению прошедшего – но утверждение даётся с оттенком сомнения и неуверенности, в форме вопроса. В вечном возвращении фактического существования поэт не сомневается (что было показано нами выше на примере других стихотворений: «И повторится всё, как встарь»). Но вот будет ли одновременно возвращён «восторг души первоначальный»? Вопросительный знак завершает все последующие четыре строфы. Эти размышления, как и сама организация текста, напоминают пушкинские «Дорожные жалобы». Но если у Пушкина представлены предположения о возможных вариантах завершения земного существования (все они весьма прозаичны), то у Блока в предпоследней строфе осуществляется попытка заглянуть за границу смерти. Возможно, что после будет новая жизнь, но она окажется уже непохожей и приведёт к забвению прежней мечты. Кажется, что это выход из порочного круга вечного повторения того же самого. Однако Блока это не устраивает: он-то как раз желал повторения. Не бессмысленного механического повторения существующего порядка наличного бытия, но возвращения содержания, наполнявшего жизнь конкретного человека, его собственную жизнь. Возобновлению подлежит «Всё, что так страстно я любил, / Весь трепет этой жизни бедной, / Весь этот непонятный пыл!».

Эта установка на максимальное утверждение существования составляет одну из центральных проблем блоковского творчества. Но именно в этой установке поэт терпит поражение. Пушкин – ещё до появления Ницше и его учения – смог дать позитивное разрешение данной проблемы [11]. Для Блока это оказывается уже невозможным. Речь идёт о знаменитом стихотворении «О доблестях, о подвигах, о славе...», отсылающем к пушкинскому «Я помню чудное мгновенье...». В этом тексте Блок даёт недвусмысленное указание на то, что пушкинское возвращение неосуществимо.

У Пушкина стихотворение открывается утверждением «Я помню», а забвение появляется

лишь в третьей строфе («И я забыл твой голос нежный»), за которым следует возобновление в пятой строфе. У Блока уже в первой строфе вводится мотив забвения, который во второй строфе поглощает и «прекрасное лицо». Воспоминание происходит в третьей строфе, но сразу же пресекается четвёртой строфой. В пятой строфе содержание памяти переносится в сферу сновидений. Наконец, заключительная строфа выносит окончательный вердикт: возвращение невозможно («Всё миновалось, молодость прошла!»). Прошлое оказывается оторванным от настоящего.

Мотив незавершённого возвращения составляет основное содержание поэмы «Соловьиный сад» (литературоведческий анализ этого произведения см. [12, с. 102-129]). Поэма построена на напряжении между двумя противоположными пространствами: моря и сада. Мир сада не является чем-то радикально чуждым по отношению к герою. Этот способ бытия уже когда-то был ему знаком, а потом – забыт. Сад пробуждает в герое воспоминание этого уже когда-то бывшего, но забытого способа существования:

*И в призывном круженье и пенье
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю* [6, с. 152].

Переход в соловьиный сад – это возвращение к истокам, к тому способу экзистенции, который был изначальным. Это мир детства (указание на что дано в шестой части: «Спит она, улыбаясь, как дети»). И одновременно соловьиный сад – это «Чуждый край незнакомого счастья». Герой уже основательно забыл этот способ существования. Он уже не ребёнок, но муж. Поэтому инфантильный мир сада стал ему чуждым. Однако ребёнок остаётся и во взрослом мужчине, и освободить его может женщина: «В настоящем мужчине сокрыто дитя, оно хочет играть. Ну-ка, женщины, откройте мне дитя в мужчине!» [8, с. 68]. Возвращение к этому забытому-чуждому бытию осуществимо ценой другого забвения:

*Опьянённый вином золотистым,
Золотым опалённый огнём,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном моём* [6, с. 153].

*Но забыть до конца уже не получается:
Пусть укрыла от дольнего горя
Утонувшая в розах стена, –
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!* [6, с. 153].

Шум моря проникает за ограду сада – так же, как ранее пение из сада проникло в пространство морского побережья. Происходит постоянная интерференция или трансгрессия [12] различных пластов бытия: мир сада проникает в мир моря, а мир моря вторгается в мир сада. Границы между двумя гетерогенными мирами всё время нарушаются. Герой принимает решение осуществить новое возвращение – он уходит из сада. Но и это второе возвращение оказывается невозможным. Пространство моря больше не является его домом, оно стало ему чужим:

*Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я полню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...* [6, с. 155].

Хотя физически герой и возвратился на морской берег, но полного возвращения не происходит. Пространство моря теперь раскрывается ему не в модусе актуального существования, но в модусе воспоминания и сновидения («Или всё ещё это во сне?»). В результате герой оказывается нигде: оба мира не составляют пространства его экзистенции, оба мира для него чужды, не реальны, призрачны. В.И. Тютя характеризует такой способ существования как ироническое сознание: «Герой всегда противостоял одному посредством другого. Теперь автор вынуждает его явить собственное своё содержание. Но таковое не обнаруживается, о чём свидетельствует аналитически выявленное равновесие противоборствующих начал без каких-либо структурных новообразований. Ироническое сознание пусто, лишено каких-либо позитивных ценностей» [12, с. 127]. Ироническое сознание – это сознание нигилиста.

Позитивный, утверждающий аспект идеи вечного возвращения Блоку оказывается недоступен, поскольку предполагает выбор определённого способа бытия и придание ему статуса высшей ценности. В своём антропологическом срезе учение о вечном возвращении требует признания высшей ценности *этого* мира. Противоположный метафизический подход утверждает в качестве высшей ценности *иной*, потусторонний мир трансценденции. Блок не чувствует себя экзистенциально причастным ни тому, ни другому. «Этот», земной мир человеческого бытия, – для него «страшный мир», который он не может принять. А потусторонний метафизический мир вечных сущностей для него уже не существует. Мир Блока – это космическое пространство, холодное и нечеловеческое:

*Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжёт, поёт, тревожит и горит!*
[6, с. 149-150].

Такова анима [14, с. 99-122] поэта: обитательница иных созвездий, равнодушно пролетающая мимо земного человеческого мира с его страданиями, надеждами и разочарованиями. Не удивительно, что для поклонника и поэта такой космической девы земное существование будет представляться как «бездна дней пустых, чьё бремя не избудешь». Это не жизнь, которую Ницше воспел в своём «Заратустре»: «Изменчива она и упряма; часто я видел, как кусала она себе губы и вела гребень против волос» [8, с. 113]. Анима Блока – это снежная дева:

*Она пришла из дикой дали –
Ночная дочь иных времён.
Её родные не встречали,
Не просиял ей небосклон* [15, с. 210].

Или это обитательница загробного мира, которая возвращается к поэту в виде призрака (стихотворение 1910 г. «Посещение»):

*Унесённая белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, –
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь тёмные ночи – в венеце.
Вот они – ещё синие очи
На моём постаревшем лице!* [6, с. 167].

Очевидна отсылка к пушкинскому «Заклинанию»:

*Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!* [16, с. 315].

У Блока в «Посещении» читаем своеобразное продолжение лирического сюжета «Заклинания». Охваченный страхом герой не смог сказать призраку, что всё ещё любит, но она поняла это сама:

*В твоём голосе – возгласы моря,
На лице твоём – жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня* [6, с. 167].

Однако общая тональность стихотворения Блока уже явно не пушкинская:

*И душа для видений ослепла,
Если вспомню, – лишь ветр налетит,
Лишь рубин раскалённый из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было – далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно* [6, с. 167].

Пушкин жаждет возвращения возлюбленной, Блок показывает невозможность такого возвращения. Минувшее не подлежит более возобновлению в настоящем, прошлое бесконечно отдаляется: «Всё, что было – далёко оно». У Пушкина, напротив, прошлое продолжает жить в настоящем – даже вопреки физической смерти. У Блока – сердце полно «страшной памятью», а душа – «для видений ослепла». Это одно из самых мрачных стихотворений поэта, в котором антропологический аспект идеи вечного возвращения терпит окончательный крах.

Позитивный смысловой оттенок идеи вечного возвращения проступает у Блока в его стихах, посвящённых теме России. Так, стихотворение 1908 г. «Россия» открывается наречием «опять», указывающим на возможность возобновления прошлого в настоящем:

*Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...* [6, с. 162].

«Опять» – это вариант пушкинского «вновь». В образе Родины анима поэта претерпевает существенную трансформацию. От ледящих душу и веющих космическим холодом и ужасом загробного мира образов (Кармен, Снежная дева, призрак) Блок обращается к человекосоразмерному пространству, пронизанному народными преданиями и исторической памятью. Это наполненное смыслами пространство не подлежит исчезновению с течением времени, оно проходит сквозь время, непрерывно возобновляя минувшее в настоящем:

*А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...* [6, с. 162].

Мгновение здесь начинает приравняться к вечности:

*И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,*

*Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..* [6, с. 162].

Перед нами всё та же дорога, та же песня ямщика – всё это уже было у Пушкина:

*Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...* [16, с. 159].

Всё это было и повторяется вновь: пушкинские мотивы и образы возвращаются в стихах Блока. Событие возможности невозможного составляет само бытие российского пространства, российской души и истории. Вечное возвращение – это и есть возможность невозможного, универсальный код русской поэзии.

Однако в стихотворении «Новая Америка» в эту подлежащую постоянному возобновлению конфигурацию образов и мотивов вносятся дополнительные, чужеродные элементы. Герой ожидает повторения уже когда-то бывшего, получившего субстанциальный статус в историческом бытии Руси:

*Иль опять это – стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?* [6, с. 171].

Но на этот раз на поставленный вопрос даётся отрицательный ответ. Ожидания не оправдываются, то, что происходит, уже не может быть описано с помощью наречия «опять». Возвращение снова оказывается неполным и незавершённым, связанным с оттенками двусмысленности и амбивалентности:

*На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...* [6, с. 171].

Таков характер реализации идеи вечного возвращения во всём творчестве Блока. Миливое Йованович отмечает в своём исследовании: «Поэзия Блока в общем развивается под знаком мифа о “вечном возвращении”, с её основополагающей темой пути и постоянных оглядок на пройденный этап» [4, с. 66]. Вместе с тем и в качестве мифа, и в качестве философской идеи, и в качестве поэтического мотива тема вечного возвращения у поэта подвергается существенной трансформации. Идея вечного возвращения в поэзии Блока получает зна-

чение незавершённого возвращения. И этот аспект доминирует во всём творчестве поэта. «Брачное кольцо колец» возвращения (Ницше) у Блока оказывается либо порочным кругом безысходного и бессмысленного существования, либо обнаруживает разрывы и неразрешимые противоречия, ведущие к амбивалентности и ироничности. Блок жил и творил в сложное и переходное время: в эпоху брожения умов, фактически начавшегося и многих застигнутого врасплох процесса «переоценки ценностей», в период подготовки и осуществления революционного переворота в России. Сказать решительное и безоговорочное «да» этому миру именно в данный культурно-исторический момент было трудно осуществимой задачей не только для Блока. Как поэт и наследник пушкинской традиции Блок был ориентирован на вечность и на поиск вечности в самой наличной действительности, в каждом миге земного существования. Но как представитель своего времени, как человек, существующий в определённый, обладающий специфическим содер-

жанием период истории, Блок не мог осуществить эту установку до конца. Противоречие между поэтическим и конкретно-историческим содержанием и породило ту специфическую трансформацию философской идеи вечного возвращения в мотив незавершённого возвращения, которая стала предметом анализа настоящего исследования. Следует отметить, что эта трансформация определила в конечном итоге своеобразие, уникальность и неповторимость поэтического наследия А. Блока. Блок не был поэтом философских идей. Он был создателем подлинной поэтической вселенной, внутри которой любое содержание получало специфическую именно для этой вселенной эстетическую окраску (общий литературоведческий анализ своеобразия поэзии А. Блока см., например [17; 18]). То же самое происходит и с одной из центральных идей философии Ф. Ницше: становясь органическим элементом поэтического мира Блока, она неизбежно приобретает дополнительные смысловые и эстетические коннотации.

Список литературы:

1. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1975. 526 с.
2. Паперный В.М. Блок и Ницше // Учёные записки Тартуского гос. университета. Вып. 491. Литературоведение. XXXI. Тарту, 1975. С. 84-106.
3. Плеханова И.И. Философия жизни в русской литературе XX-XXI веков: от жизнестроения к витальности. Scientific magazine Kontsep, 2013. 485 с.
4. Jovanovic Milivoje. Миф о «вечном возвращении» в разделе «Родина» Александра Блока // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 25. № 1. Janvier-Mars 1984. Autour du symbolisme russe 3. (Vjačeslav Ivanov). P. 61-88.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883-1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). М.: Культурная революция, 2016. 824 с.
6. Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Огонек, Правда, 1971. 416 с.
7. Ницше Ф. Веселая наука (la gaia scienza) // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Весёлая наука. М.: Культурная революция, 2014. С. 313-597.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
9. Ницше Ф. Черновики и наброски 1880-1882 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М.: Культурная революция, 2013. 688 с.
10. Левит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же. М.: Культурная революция, 2016. 336 с.
11. Фаритов В.Т. Поэзия как воля к вечному возвращению: Пушкин и Тютчев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 151-160.
12. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2008. 336 с.
13. Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2015. 35 с.
14. Юнг К.Г. Об архетипе и особенно о понятии Анима // Бог и бессознательное. М.: Олимп, АСТ, 1998. С. 99-122.
15. Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Огонек, Правда, 1971. 352 с.
16. Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 2. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. 800 с.
17. Жирмунский В.М. Поэзия Александра Блока. Пб: Картонный домик, 1922. 103 с.
18. Минц З.Г. Блок и русский символизм. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство СПб, 1999. 728 с.
19. Фаритов В.Т. Пушкин и Ницше: перспективы сравнительного литературно-философского исследования // Человек и культура. 2015. № 3. С. 100-125. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.3.15186. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_15186.html.
20. Фаритов В.Т. А.С. Пушкин и Ф. Ницше в контексте идеи нового Возрождения // Человек и культура. 2015. № 4. С. 1-17. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.4.15511. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_15511.html.
21. Гуревич П.С. Прекрасные мгновения и образы // Философия и культура. 2014. № 6. С. 908-912. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.6.12261.

References (transliterated):

1. Maksimov D. Poeziya i proza Al. Bloka. L.: Sovetskii pisatel', 1975. 526 s.

2. Papernyi V.M. Blok i Nitsشه // Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. Vyp. 491. Literaturovedenie. XXXI. Tartu, 1975. S. 84-106.
3. Plekhanova I.I. Filosofiya zhizni v russkoi literature XX-XXI vekov: ot zhiznestroeniya k vital'nosti. Scientific magazine Kontsep, 2013. 485 s.
4. Jovanovic Milivoje. Mif o «vechnom vozvrashchenii» v razdele «Rodina» Aleksandra Bloka // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 25. № 1. Janvier-Mars 1984. Autour du symbolisme russe 3. (Vjačeslav Ivanov). P. 61-88.
5. Nitsشه F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki tsennosti (chernoviki i nabroski iz naslediya Fridrikha Nitsشه 1883-1888 godov v redaksii Elizabet Ferster-Nitsشه i Petera Gasta). M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. 824 s.
6. Blok A. Sobr. soch.: v 6 t. T. 3. M.: Ogonek, Pravda, 1971. 416 s.
7. Nitsشه F. Veselaya nauka (la gaya scienza) // Nitsشه F. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 3: Utrennyaya zarya. Messinskie idillii. Veselaya nauka. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2014. S. 313-597.
8. Nitsشه F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo // Nitsشه F. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 4: Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 432 s.
9. Nitsشه F. Chernoviki i nabroski 1880-1882 gg. // Nitsشه F. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 9. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 688 s.
10. Levit K. Nitsشهvskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. 336 s.
11. Faritov V.T. Poeziya kak volya k vechnomu vozvrashcheniyu: Pushkin i Tyutchev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2014. № 6 (32). S. 151-160.
12. Tyupa V.I. Analiz khudozhestvennogo teksta. M.: Akademiya, 2008. 336 s.
13. Faritov V.T. Transgressiya i transtsendentsiya kak ontologicheskie perspektivy diskursa: Avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. M., 2015. 35 s.
14. Yung K.G. Ob arkhetepe i osobenno o ponyatii Anima // Bog i bessoznatel'noe. M.: Olimp, AST, 1998. S. 99-122.
15. Blok A. Sobr. soch.: v 6 t. T. 2. M.: Ogonek, Pravda, 1971. 352 s.
16. Pushkin A.S. Sobr. soch. T. 2. M.: Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1959. 800 s.
17. Zhirmunskii V.M. Poeziya Aleksandra Bloka. Pb: Kartonnyi domik, 1922. 103 s.
18. Mints Z.G. Blok i russkii simbolizm. Poetika Aleksandra Bloka. SPb.: Iskusstvo SPB, 1999. 728 s.
19. Faritov V.T. Pushkin i Nitsشه: perspektivy sravnitel'nogo literaturno-filosofskogo issledovaniya // Chelovek i kul'tura. 2015. № 3. S. 100-125. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.3.15186. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_15186.html.
20. Faritov V.T. A.S. Pushkin i F. Nitsشه v kontekste idei novogo Vozrozhdeniya // Chelovek i kul'tura. 2015. № 4. S. 1-17. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.4.15511. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_15511.html.
21. Gurevich P.S. Prekrasnye mgnoveniya i obrazy // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 6. S. 908-912. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.6.12261.